

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

XXII годъ изданія.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
выходить въ г. Томскѣ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

второмъ своемъ письмѣ къ Горькому, — какого я мнѣнія о вашихъ разсказахъ. Какого мнѣнія? Талантъ несомнѣнный и притомъ настоящій, большой талантъ. Напримеръ, въ разсказѣ «Въ степи» онъ выразился съ необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написалъ. Вы — художникъ, умный человекъ. Вы чувствуете превосходно. Вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите ее и ощупываете пальцами. Это настоящее искусство. Вотъ вамъ мое мнѣние, и я очень радъ, что могу высказать вамъ его».

Но Чеховъ не ограничивается только похвалою, словами о томъ, «какъ высоко цѣнить Горькаго и какія надежды возлагаетъ на его дарованіе». Въ томъ же письмѣ, отзывая на прямо поставленный Горькимъ вопросъ, онъ подробно говоритъ и о недостаткахъ. «У васъ, по моему мнѣнію, нѣтъ сдержанности. Вы — какъ зритель въ театрѣ, который выражаетъ свои восторги такъ несдержанно, что мѣшаетъ слушать себя и другихъ. Особенно эта несдержанность чувствуется въ описаніяхъ природы, которыми вы прерываете діалоги; когда читаетъ ихъ, эти описанія, то хочется, чтобы они были компактнѣе, короче, такъ въ 2—3 строки. Частыя упоминанія о нѣгѣ, шепотѣ, бархатности и пр. придаютъ этимъ описаніямъ въ некоторую риторичность, однообразие и расхолаживаютъ, почти утомляютъ. Несдержанность чувствуется и въ изображеніяхъ женщинъ и любовныхъ сценахъ. Это — не размахъ, не широта кисти, а именно несдержанность». «Въ изображеніяхъ интеллигентныхъ людей, — продолжаетъ Чеховъ свои критическія замѣчанія, — чувствуется напряжение, какъ будто осторожность; это не потому, что вы мало наблюдаете интеллигентныхъ людей. Вы знаете ихъ, но точно не знаете, съ какой стороны подойти къ нимъ».

«Вы самоучка? — спрашиваетъ Чеховъ Горькаго въ другомъ письмѣ. — Въ своихъ разсказахъ вы — вполне художникъ, при томъ интеллигентный по настоящему. Вамъ мнѣ всего присуща именно грубость (изъ текста чеховскаго письма можно заключить, что Горькій приведеннымъ выше чеховскимъ указаніемъ понялъ какъ упрекъ въ литературной грубости). Вы умны и чувствуете тонко и изящно. Ваши лучшія вещи — «Въ степи» и «На плотяхъ». Это — превосходныя вещи, образцовыя; въ нихъ виденъ художникъ, прошедшій очень хорошую школу. Не думаю, что я ошибаюсь. Единственный недостатокъ — нѣтъ сдержанности, нѣтъ граціи». И Чеховъ даетъ такое общее и весьма тонкое замѣчаніе: «Когда на какое-нибудь оцрѣдленное дѣйствіе человекъ затрачиваетъ наименьшее количество движеній, то это — грація. Въ вашихъ же затратахъ чувствуется излишество».

Нѣсколько писемъ касаются «Омы Гордѣева» и того чувства неудовлетворенности, какое испыталъ его авторъ. «Зачѣмъ вы хандрите, драгоцѣнный Алексѣй Максимовичъ? Зачѣмъ вы браните нектово своего Оому Гордѣева? Тутъ, мнѣ кажется, кромѣ всего прочаго, съ нашего позволенія, двѣ причины: вы начали съ шума, начали шумно, и теперь все, что представляется вамъ обыденнымъ и зауряднымъ, не удовлетворяетъ и томитъ васъ. Это разъ. Во-вторыхъ, литератору нельзя безнаказанно проживать въ провинціи. Что бы вы тамъ ни говорили, вы укусили отъ литературы. Вы отравлены уже безнадежно. Вы — литераторъ, литераторомъ и останетесь. Естественное же состояніе литератора, — это всегда держаться ближе къ литературнымъ сферамъ, жить вокаль пишущихъ, дышать литературой. Не боритесь же съ естественомъ, покоритесь разъ навсегда и переѣзжайте въ Петербургъ или въ Москву. Бранитесь съ литераторами, не признавайте ихъ, половину изъ нихъ презирайте, но живите съ ними».

Слова о шумномъ началѣ были, по-видимому, поняты какъ «шпиалька». Черезъ пять дней Чеховъ писалъ Горькому: «Когда я писалъ вамъ, что вы начали шумно и съ успѣха, то вовсе не таилъ ехиднаго замысла, — упрекнуть или поддурить шпиальку. Заслугъ я ничѣмъ не касался, а мнѣ просто хотѣлось сказать вамъ, что вы не были въ литературной бурсѣ, а начали прямо съ академіи, и теперь вамъ уже скучно бываетъ служить безъ привычки. Я хотѣлъ сказать: погодите годъ—два. Вы угомонитесь и увидите, что вашъ милѣйшій Оома Гордѣевъ рѣшительно ни въ чемъ не виноватъ».

Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ Чеховъ даетъ Горькому совѣтъ, характерный для писательской манеры самого Чехова. «Читая корректуру, вычеркивайте, гдѣ можно, опредѣленія существительныхъ и глаголовъ. У васъ такъ много опредѣленій, что вниманію читателя трудно разобраться, и онъ утомляется. Понятно, когда я пишу: «человѣкъ сѣлъ на траву». Это понятно, потому что ясно и не задерживаетъ вниманія. Наоборотъ, неудобопонятно и тяжело-то для мозга, если я пишу: «Высокій, узкогрудый, среднего роста человекъ съ рыжей бородкой сѣлъ на зеленую, уже измятую пѣшеходами траву. Сѣлъ безшумно, робко и пугливо оглядываясь...» Это не сразу укладывается въ мозгъ, а беллетристика должна укладываться сразу, въ секунду. Засимъ еще одно: вы по натурѣ — лирикъ, тембръ у вашей души мягкій. Если бы вы были композиторомъ, то избѣгали бы писать марши. Грубить, шумѣть, извѣтъ, нектово облачать, — это не свойственно вашему таланту».

Въ одномъ изъ писемъ Чеховъ передаетъ отзывъ Льва Толстого. «Третьяго дня, — пишетъ Чеховъ Горькому 25-го апрѣля 1899 г., — я былъ у Л. Н. Толстого; онъ очень хвалилъ васъ, говорилъ, что вы «замѣчательный писатель». Ему нравятся ваши «Ярмарка» и «Въ степи» и не нравятся «Мальца». Онъ сказалъ: «Можно выдумать все что угодно, но нельзя выдумать психологію, а у Горькаго попадаются именно психологическія выдумки, онъ описываетъ то, чего не чувствовалъ». Вотъ вамъ. Я сказалъ, что когда вы будете въ Москвѣ, то мы вѣстѣ приѣдемъ къ Л. Н.». Въ концѣ письма Чеховъ прибавляетъ: «Толстой долго разспрашивалъ о васъ. Вы возбуждаете въ немъ любопытство. Онъ, видимо, растроганъ».

Чеховъ--Горькому.

Неутомимо работающая надъ собраніемъ и опубликованіемъ писемъ своего брата М. П. Чехова выпускаетъ пятый томъ собранія этихъ писемъ, относящихся къ 1897—1899 годамъ. Какъ и въ предыдущихъ томахъ, на письмахъ лежитъ печать таланта и обаятельной личности Чехова.

Къ тѣмъ корреспондентамъ, съ которыми усиленно переписывался Чеховъ, осенью 1898 г. прибавился еще одинъ, — М. Горькій, заѣзда котораго въ ту пору стала все ярче разгораться на небѣ русской литературы. Чеховъ и Горькій, потомъ сошедшіеся довольно близко, еще не были знакомы лично, но переписка уже установила довольно тѣсныя отношенія между двумя выдающимися писателями. Въ одномъ изъ приложений къ пятому тому собранія тринадцать писемъ Чехова къ Горькому, въ которыхъ разбросаны многочисленные критическія замѣчанія.

«Вы спрашиваете, — пишетъ Чеховъ во